

ПИСЬМА Ф.П. ЛИТКЕ К В.А. ЖУКОВСКОМУ

Публикация, научный комментарий и примечания Н.Б. Реморовой

Впервые в научный оборот вводятся хранящиеся в рукописном собрании ИРЛИ письма известного русского мореплавателя, президента Императорской Академии наук, создателя Пулковской и физической обсерваторий, основателя и первого президента Русского Географического общества Ф.П. Литке, бывшего в течение 16 лет воспитателем великого князя Константина, к В.А. Жуковскому. Письма обнаруживают внутреннюю близость жизненных и нравственных принципов, взглядов Литке и Жуковского на многие события, на цели и задачи своей воспитательной деятельности.

I

Переписка В.А. Жуковского – одно из интереснейших явлений русской литературы первой половины XIX в. Ее уникальность определяется и необыкновенным разнообразием тематики, и редкостной вариативностью форм внутри самого эпистолярного жанра, и удивительным количеством адресатов, в числе которых множество деятелей русской и европейской культуры. Публикация отдельных частей эпистолярного наследия Жуковского началась еще в прошлом веке, но и до сего дня множество писем и самого поэта, и особенно его корреспондентов продолжает покоиться в архивах. При этом в ряде случаев даже при наличии в архиве двусторонней переписки опубликованными оказываются лишь письма поэта. Подобная односторонность в некоторой степени объяснима, поскольку именно письма Жуковского представляют особый интерес для изучения его творчества, его эстетических, общественных, философских, политических взглядов. Однако отсутствие в научном обороте писем ряда его корреспондентов неоправданно лишает нас возможности до конца понять и оценить смысл и значение писем самого поэта; не позволяет углубить представление о его корреспонденте и в достаточной степени уяснить характер взаимоотношения между ними; наконец, в ряде случаев только через ознакомление с двусторонней перепиской можно в полном объеме представить волнующие авторов проблемы, значение которых порой выходит далеко за рамки их личных взаимоотношений.

С этой точки зрения особое место занимает переписка В.А. Жуковского с Федором Петровичем Литке. Письма (14) Жуковского к Литке (1838–1848) были опубликованы в 7-м номере «Русского архива» за 1887 г. (С. 327–340). Относящиеся к этому же периоду письма его корреспондента (10) до сих пор широкому читателю неизвестны.

II

Федор Петрович Литке (1797–1882) – известный русский мореплаватель, совершивший четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан (1821–1824) и кругосветное плавание (1826–1829), президент Императорской Академии наук, создатель Пулковской и Физической обсерваторий, основатель и президент Русского Географического Общества, объединившего лучшие умственные силы России во всех областях науки, почетный член ряда университетов и академий как в России, так и за рубежом – был не просто неординарной, но выдающейся личностью своего времени. Не получив никакого систематического образования, он явил собой замечательный пример самообразования и самовоспитания, став одним из образованнейших людей не только России, но и Европы.

Младший из пяти детей коллежского советника, Ф.П. Литке в течение 4 лет посещал пансион Мейера, о котором в его душе остались лишь «смутные воспоминания». В 11 лет мальчик остался круглым сиротой.¹ Детей разобрали родственники. Федора взял дядя Федор Иванович Энгель, не уделявший ему никакого внимания, не пригласивший его ни одного учителя, не определивший ни в какой корпус. Учителя были взяты позднее (в 1810 г.) для осиротевших племянников Панкратьевых, и Федор переписывал для них записки, делал чертежи, учил задаваемые им стихи, читал книги их библиотеки. Страстная любовь к книге и умение работать с ней сопровождали Литке всю жизнь. С книгой и второй своей страстью – музыкой – он не расставался и во время морских вояжей, которые начались с 1813 г., когда юноша стараниями мужа его сестры Натальи Ивана Саввича Сульменова (1773–1851), был определен волонтером на должность мичмана.

В 1817 г. Литке впервые принимает участие в кругосветном плавании на шлюпке «Камчатка» под командованием В.М. Головина (1776–1831), который по возвращении рекомендовал его на пост начальника гидрографической экспедиции к берегам Новой Земли, куда Федор Петрович совершил четырехкратное путешествие, после каждого из которых представлял глубокий научный отчет. По завершении самостоятельного кругосветного путешествия 1826–1829 гг. за научные заслуги Литке был избран член-корреспондентом Академии наук, а за трехтомный труд «Путешествие вокруг света <...> на военном шлюпе «Сенявин» в 1826–1829 гг. <...>» (СПб., 1834–1836) ему была присуждена полная Демидовская премия, наиболее почетная научная награда России.

Из ранних дружеских контактов Литке особенно следует отметить семью президента Академии художеств А.Н. Оленина, с которым он познакомился в доме дяди. Сыновья Оленина Алексей и Петр были сверстниками Литке, а их мать Елизавета Матвеевна (урожд. Полторацкая) с симпатией относилась к способному и живому подростку. О доме Олениных Литке вспоминал впоследствии с самыми добрыми чувствами.

В юности, по воспоминаниям самого Литке, он был очень дружен с братьями Бестужевыми (особенно с Николаем), на квартире которых бывал вместе с Ф.П. Врангелем, где все они «критиковали правительство». «Это был некоторого рода шик, да, правду сказать, и поводов к тому было довольно». Александра Бестужева Литке хотел взять с собой в экспедицию на «Сенявине», «но это не было разрешено начальником Главного Морского штаба Моллером»².

В 1832 г. Ф.П. Литке становится воспитателем в.к. Константина Николаевича. Он находится при нем «постоянно и неотлучно», начиная с 5-летнего возраста и до совершеннолетия, после чего назначается его попечителем и остается таковым до «полного совершеннолетия», до 25 лет. Как писал в своих записках Литке, «воспитатель генерал-адмирала должен был натурально быть морской офицер, и государь изволил остановить свое внимание на мне»³. Несмотря на очевидную лестность нового назначения, сулившего быстрое продвижение по ступеням чинов и званий⁴, Литке принял его с неудовольствием. Впервые, как напишет он позднее в письме к Жуковскому, предпринятое «по воле Царской» дело было «совершенно чуждо» всем его предшествующим устремлениям и природным наклонностям. Во-вторых, по своему происхождению, воспитанию, занятиям и интересам, по кругу знакомств в молодости он был лишен придворности, светскости, духа интриг и лицемерия и очень трудно привыкал к новому образу жизни, к новому для него миру отношений. В последнем из публикуемых нами писем (27 октября / 8 ноября 1848 г.) он пишет: «<...> я никогда не чувствовал себя совершенно at – home в этом мире – ни мир не был совершенно по мне, ни я по миру». Это очень осложняло его внешне спокойную и, казалось, благополучную жизнь, заставляло быть сдержанным и осторожным не только в личных контактах, но и в переписке даже с лучшими друзьями, к числу которых прежде всего относился Жуковский. Так, в письме к нему от 6 / 18 марта 1848 г. он пишет: «Вот Вам, почтенный друг, подробный отчет о том, что делается у нас; но Вы желаете еще знать, что делается и около нас? этот вопрос гораздо сложнее. Мало ли что тут совершается! Но не все знаешь, не всегда скажешь, а еще меньше напишешь. – Довольно, что все благополучно и все более или менее по-старому». И большинство писем Литке к другу почти полностью посвящены вопросам, связанным с их общей «должностью» – воспитанием и образованием просвещенного правителя.

Жуковскому, которому значительно раньше, чем Литке, пришлось постигать законы придворной жизни, сдержанность друга была хорошо понятна. Двадцатью годами раньше он писал в своем дневнике: «Любя свою должность и ограничивая

себя ее исполнением, делаешься совершенно от всего независимым. Жить при дворе есть учиться или мудрости или подлости. Надобно выбирать одно из двух. Среднею дорогою идти нельзя».

В опубликованной В.П. Безобразовым автобиографии Ф.П. Литке об интересующем нас периоде его деятельности нет ни слова. Сам он мотивировал это тем, что в 1832–1850 гг. его жизнь была связана с событиями и лицами, «для которых суд истории еще не настал». Это не мешало ему, однако, иметь обо всем происходящем вокруг свое собственное и нелицеприятное мнение, на что указывает В.П. Безобразов со ссылкой на хранящиеся в архиве и до сих пор не опубликованные дневники Ф.П. Литке и что в определенной степени нашло-таки выражение и в письмах.

Сближение Литке с Жуковским, вероятно, относится к началу 1830-х гг., ко времени их совместного пребывания при дворе. Знакомство переросло в дружбу, продолжавшуюся до конца жизни поэта. Одним из известных нам «материальных знаков» этой дружбы был подаренный автором Жуковскому и сохранившийся в библиотеке поэта трехтомный труд Литке «Путешествие вокруг света, совершенное по повелению государя императора Николая I на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 гг. флота капитаном Федором Литке» (СПб., 1834–1836. Ч. 1-3). Книга дарилась, судя по всему, целиком, и могла быть подарена лишь во второй половине 1836 г. (цензурное разрешение на печатание 3-го тома датировано 9 марта 1836 г.). На обложке 1-й части рукой Литке недатированная надпись: «Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому в знак истинной преданности и уважения от сочинителя». На 2-й и 3-й частях надписи (тем же почерком и теми же чернилами) краткие: «Его пр-ву Жуковскому» и «Его превосходительству Жуковскому», что, на наш взгляд, еще раз подтверждает одновременность преподнесения всех трех книг: надписи во 2-й и 3-й частях не могли существовать самостоятельно – они слишком небрежны и не соответствуют ни официальному, ни дружескому этикету; они оправданы лишь как сопровождение к надписи 1-й части и призваны подчеркнуть целостность подарка.

Дружба между Литке и Жуковским, несмотря на значительную разницу в возрасте (почти 15 лет), зижделась не только на искреннем уважении и неизменной преданности, которые постоянно подчеркивает в письмах Федор Петрович, но и на глубокой и взаимной человеческой симпатии, проистекавшей из внутренней близости их жизненных и нравственных принципов, схождения во взглядах на многие окружающие события, на цели и задачи своей воспитательной деятельности, понимаемой как «благороднейшая цель» по формированию личности будущего монарха.

III

Нет сомнения, что до нас дошла далеко не вся переписка Литке с Жуковским. Часть писем с той и другой стороны явно утрачена, о чем говорят имеющиеся в наших материалах «пробелы». То, что некоторые из них образовались именно за счет утраты отдельных писем, подтверждают надписи пунктуального Литке на письмах к нему Жуковского, где он указывал дату получения письма и дату своего ответа поэту.⁶ Исходя из этой датировки, утраченным оказалось, в частности, письмо Литке от 3/15 января 1848 г.

Первое из известных нам датированных писем поэта к другу помечено 6 июля 1837 г. и написано им во время путешествия его с наследником по России. Письмо, как явствует из текста, является запоздалым ответом на неизвестное письмо Литке из его морского вояжа с в.к. Константином. Последнее из имеющихся в нашем распоряжении писем – датированное ноябрем 1848 г. письмо Ф.П. Литке к Жуковскому. Оно все еще полно надежд на скорое возвращение поэта в Россию. Таким образом, переписка Жуковского и Литке охватывает (с перерывами) период свыше 10 лет. Для Жуковского это годы, насыщенные событиями и очень нелегкие, связанные с серьезными переменами в его жизни. Не прости они и для Литке.

Счастливые мгновения в жизни любого из друзей вызывают искреннюю радость другого и надежду на то, что жизнь не разрушит это счастье. Литке поздравляет Жуковского со вступлением в брак и желает ему счастья, которое бы «было совершенно и unvertmischt» <неомрачаемо>, он поздравляет его со «счастьем отцовства, с которым ничто на свете сравниться не может», искренне скорбит о несчастьях поэта, не позволявших ему вернуться в Россию, и неизменно надеется на новую встречу.

Жаловаться на трудности жизни друзья не привыкли и сообщать о них не спешили. Будучи «жестко посещен судьбою», потеряв любимую жену, «истинное счастье этой жизни». Потрясенный Литке пытается забыть в напряженной деятельности, прерывает на время переписку, не имея сил выразить словами то, что творится в душе, и не желая «докучать иеремиадами» Жуковскому.

Значительное место в письмах Литке занимают вопросы, сопряженные с его педагогической деятельностью, он испытывает потребность «сообщить участвующему другу свои опасения и надежды», с нею связанные. Со свойственной ему добросовестностью, преисполненный желанием поставить все на серьезную научную основу, не раз обговорив и проработав вместе с Жуковским всю программу воспитания и обучения великого князя, Литке во всех без исключения письмах вновь и вновь возвращается к этой теме, ибо, как он пишет, «и нашему брату нужна поддержка и одобрение из уст дружеских». Перед ним стоит сложная задача: как сделать программу насыщенной и одновременно интересной, избежать ненужных повторений и добиться связи преподаваемых предметов между собой – истории и географии, языка и словесности; на что, учитывая индивидуальные способности ученика, нужно затратить больше времени, что можно одолеть быстрее без ущерба для усвоения. В этих вопросах-утверждениях (ибо Литке не только спрашивает, но и утверждает свою точку зрения, мотивируя ее уже наработанным конкретным опытом) перед нами оживают и обретают особую глубину планы и программы воспитания и обучения, составившие некогда Жуковским и до сего времени не оцененные по достоинству представителями педагогической науки.

Поражает гуманистическая нацеленность и широта программы, по которой работали и Жуковский, и следовавший по его стопам Литке, стремившиеся не столько к умственному насыщению ученика, но к формированию трудолюбивой, гармонической, всесторонне развитой личности, твердо придерживающейся высоких нравственных принципов. Как полагает Литке, чтобы «быть Принцем», «прежде должно ему быть человеком – это главное ...». В его письме от 17/29 октября 1841 г. по данному вопросу, казалось бы, намечается полемика с Жуковским. Однако это внешнее впечатление. В суждениях друзей лишь видимость расхождения, проистекающая из различия их личностной индивидуальности, не нарушающая общности принципов воспитания и обучения.

Вероятно, именно из этих общих высоких принципов проистекает и общая неудовлетворенность их итогами своего труда, несоответствием огромных нравственных и физических затрат наставника успехам воспитанника. Литке особенно удручает «отвращение» последнего «от всякой головной работы», его «жесткость и холодность», «суетность» и «Gemuthlosigkeit» <бездущие>. После 15 лет напряженного и самоотверженного труда он с горечью пишет: «... он мало переменился и остался таким, каким Вы его знали; – только все пришло в больший размер». Но даже в письмах на эту, так сказать, «профессиональную» тему Литке, видимо, опасющийся перлюстрации писем, не всегда до конца договаривает свои мысли. Прекрасно понимающий трудности друга, Жуковский прочитывает между строк то, что не высказано прямо. Так, в письме Литке от 3/1 декабря 1842 г. читаем: «Письмо <...> получено мной в свое время. Благодарю Вас за него сердечно. Вы весьма хорошо поняли то, что я желал Вам передать о настоящей степени развития В.К., в Ваших словах нашел я свои мысли, но несравненно лучше выраженные, нежели бы я в состоянии был это сделать. Вы согласитесь, что есть от чего задуматься».

В имеющихся в нашем распоряжении письмах Литке к Жуковскому литературные проблемы почти не затрагиваются. Это, нам думается, вполне объяснимо: Литке, человек широко образованный, много читавший и вовсе не чуждый литературе, в то же время не считал себя вправе рассуждать о предмете, в котором чувствовал себя дилетантом. Но за творчеством Жуковского 30–40-х гг. он, несомненно, следил со вниманием, и Жуковскому мнению друга не было безразлично. Ф.П. Литке был в числе первых, кто познакомился с отдельным изданием

первой части «Одиссеи» (гл. I–XII) и, прочтя их, как он пишет, «с большим наслаждением», сообщает в письме к Жуковскому, что обратил внимание на неисправность размера в некоторых строках перевода (письмо от 17/29 сентября 1848 г.). Замечание сделано робко, с оговорками, но Жуковский, как следует из его ответного письма, отнесся к нему со всей серьезностью и, благодаря «за доброе слово о моей «Одиссее», сожалел, что Литке не решился сразу перечислить стихи, в которых заметил недостатки. И к следующему письму (от 27 октября/8 ноября 1848 г.) Литке прилагает «означение строк в Одиссее, в которые вкратились ошибки»⁷. Он подтверждает свое восхищение поэмой, которую прочел «с большим вниманием и по большей части вслух», и предвещает Жуковскому «венец бессмертия, столь же неувыдаемый в русской литературе, как венок самого Гомера». Эти слова друга с полным основанием можно считать пророческими.

Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Онегинское собрание. № 28122. Л. 1–23 об).

Примечания

1. Мать – Анна Ивановна (урожд. Энгель) умерла родами Федора в 1797 г.; отец – Петр Иванович Литке – умер в 1808 г. После его смерти на руках у мачехи Федора осталось 11 детей.
2. Литке Ф.П. Автобиография. Цит. по книге: Безобразов В.П. Граф Федор Петрович Литке. СПб., 1888. С. 110. Безобразов Владимир Павлович (1828–1889), академик, специалист по политэкономии, финансовому праву, член Русского географического общества, автор многочисленных исследований по вопросам государственного хозяйства, талантливый публицист.
3. Там же. С. 131. Генерал-адмирал – военно-морской чин I класса в XIX в., давался исключительно членам императорского дома. Великому князю Константину Николаевичу он был присвоен «по тогдашнему обыкновению» в детском возрасте.
4. В 1835 г. он произведен в контр-адмиралы, затем назначен генерал-адъютантом (1842), произведен в вице-адмиралы (1843) и адмиралы (1855), награжден многими орденами. В 1866 г. Ф.П. Литке возведен «с нисходящим потомством в графское Российской империи достоинство».
5. ЦГАЛИ. Ф. 198 (В.А. Жуковский). Оп. 1. ед. хр. 36. Л. 6 об. Запись датирована февралем 1828 г.
6. Такие надписи содержатся в 11, 12 и 13-м письмах Жуковского к Литке, опубликованных П. Бартевым в «Русском архиве» (1887. № 6), и получены им от сына Ф.П. Литке Николая Федоровича. Никаких указаний на автора надписей в публикации нет.
7. Сам список не сохранился.

№ 1

Царское Село. 7 сент<ября> 1838.

Еще слишком на год разлучает нас судьба с милым нашим Великим Князем и с Вами, любезный и почтенный Василий Андреевич!¹ – Грустно, но утешаешься мыслью, что это для пользы здоровья, драгоценной пользы миру. – Это чувство, конечно, одушевляет и всех Вас. – В виду порта после долговременного, затруднительного плаванья все внимание бывает обращено на средства к его <достижению>. – Что же, тогда это лучшая, благороднейшая цель жизни? – очень понимаю Ваше положение, Ваши чувства в эти минуты. – Из этого не следует однако же равнодушие ко всему другому. Ведь и мы Вам не чужие; и потому Вы <подадите нас> восточкой и о юнейшей ветке растения всем нам родного. – Мой Телемак² все старый, все тот же. Умен. Добр, резв, буффон. Чист как голубь, еще не мудр как змея, но зато упрям, как ... уже, не знаю к чему и применить и как назвать этот совершенно особенный род своенравия. – Не то, чтобы не послушался, не то, чтобы сделал то, что запрещено, или не исполнил того, что приказано: – а как бы все сделает по-своему, у mettre du sien³, уж коли нельзя на деле, то хоть на словах; и это до такой степени слилось, составляет одно с его характером, что нет минуты в жизни его, работает ли он, гуляет ли, играет ли, чтобы эта наклонность не пробивалась если не другим чем, то хоть словом *нет*; настоящий *verneinender Geist*⁴. Не довольно наяву, и во сне он тот же; часто голова его там, где у всякого человека бывают ноги. Шутки в сторону: выразить нельзя, до какой степени это затрудняет наше дело; просто не знаю иногда, что делать? – Разумеется, что это и на работы имеет влияние. – Но тут открывается еще один недостаток, который мы до сих пор приписывали возрасту, а теперь уже начинаем почитать *органическим* – это есть отвращение от всякой головной работы. Что не говорит его воображению, что не действие, не анекдот, то уже ему не нравится. Случится ли, что работа не идет как по маслу, требует размышления, догадки, преодоления трудностей – он сейчас теряет дух, терпение, – и вслед за этим капризы, и не хочет работать. Может показаться противуречием, что виною этому (при нетерпеливом нраве) *необыкновенные его способности*. Но он так легко все понимает, что учение, по большей части, не стоит ему никакого труда; и от этого он не привыкает к труду. Что же делать? Неужто *затруднить*

учение, чтобы приучить его к *труду*? – За исключением этого недостатка, должно признать, что <обыкновенно> учение идет хорошо. – Фаворитный предмет все-таки история; тут он душой и телом: вникает, понимает, сравнивает, не может его иметь довольно. Метода поддерживается старая: сначала ему рассказывается, тут же он должен передать слышанное; пройдя некоторый период составляются им самим таблицы. – Репетиции <изустные> на русском и фр<анцузском> яз<ыке>. Наконец чтение. – Перед отъездом Вашим, Василий Андреевич, говорили мы с Вами о том, чтобы с осени начать русскую историю; – по-моему, так пора; не только ради самого предмета, – Ему (не истории, а Великому Князю) после завтра 11 лет – но и ради языка. – Что ни говори, а преподавание главного курса на немецком языке немножко вредит русскому, как мы ни стараемся пособить этому; – русская история всего лучше этому пособит. – Два часа отделить от Всеобщей ист<ории> можно без вреда. Мы в Греческой И<стории> остановились на Ахейском союзе, – в Римской уже сожгли Рим галлами – положено к Пасхе дойти до падения Рима – это не трудно. Потрудитесь нам сообщить Ваше мнение: начинать ли? и взять ли Тимаева⁵, как говорили? Лучше бы всего приступить к этому по возвращении в город. – Математика идет, но не смакуется еще; тут нет ни поэзии, ни героев, а все только головная работа! Коллинсом⁶ мы очень довольны, и русск<ий> язык его ни мало не останавливается. – Все остальное идет помаленьку вперед; только Англ<ийский> язык in status quo⁷ – в appanage Con-servative, Archi tory⁸, не хочет идти вперед. Телесное развитие также оч<ень> заметно; он благодаря Бога совершенно здоров и по-вырос. – Гримм⁸ здоров, как старое сухое дерево – скрипит и стоит; – полезный нам человек; воздух здоровый, а еще более морской, на котором мы были целый месяц, меня поправили, и теперь я кое-как держусь. – Хорошо и покойно в добром Царском! Тут находишь минутки – хоть и минутки только! – чтобы отдохнуть с женой и мальчишкой-сыном. –

Возьмите на себя труд, любезный Вас<илий> Андр<еевич>, засвидетельствовать искреннее почтение мое Его Высочеству, – радуемся добрым вестям о его здоровье и желаем душевно, и молим Бога, чтобы оно укрепилось совершенно. Берегите и хольте его Бога ради! – Усерднейший поклон Алекс<андру> Алекс<андровичу>¹⁰. – На днях видел в уженье Марию

Павл<овну>¹¹; она совершенно здорова: да как и не быть? Почтение мое Его Св<етлости> Кн<язю> Хр<истофору> А<ндреви-чу>¹², Семену Алекс<еевичу>¹³ и tutti quanti¹⁴ – Конс-тантин Николаевич посылает Вам усерднейший поклон; давно собирается к Вам писать, но не соберется¹⁵. – Верьте всегдаш-

нему уважению и преданности Вашего

Ф. Лит-

ке.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 28122. Л. 1-2 об.

Примечания

1. «Еще с лишком на год...» – В.А. Жуковский, недавно (в декабре 1837 г.) вернувшийся из путешествия с великим князем Александром Николаевичем по России, 3 мая 1838 г. отправился с наследником в новое путешествие – за границу. Поездка продлилась до июня 1839 г.
2. Телемак – герой романа Ф. Фенелона (1651–1715) «Приключения Телемака». В переносном смысле – воспитанник, рожденный для высокой должности». Речь идет о в.к. Константине Николаевиче, воспитателем которого был в это время Ф.П. Литке.
3. Вкладывать свое (франц.). Все выделения в тексте писем принадлежат автору – Ф.П. Литке.
4. Отрицающий дух (нем.).
5. Тимаев Матвей Максимович (1796–1858), педагог, изучал различные методы преподавания в Англии, Швейцарии, Германии. Преподавал историю в Главном педагогическом институте. С 1833 по 1841 г. преподавал русскую историю и географию в.к. Марии, Ольге и Александре Николаевнам.
6. Коллинс Эдуард Давыдович (1791–1840), академик. Преподавал математику и физику великим князьям Александру и Константину Николаевичам. Жуковский поддерживал с Коллинсом дружеские отношения, писал ему во время своего второго заграничного путешествия (Дневники. С. 251).
7. В прежнем положении (лат.).
8. В состоянии консерватора, сверхтори.
9. Grimm Август Федорович (1805–1878), инспектор классов при великих князьях Константине, Николае и Михаиле Николаевичах. Впоследствии действительный статский советник. Воспитатель детей Александра II, автор биографии императрицы Александры Федоровны (Alexandra Geodownna, Keiserin von Russland. Leipzig, 1866) и романа «Княгини седьмой версты» («Die Fürstin von seibenten Werst»), где рисует нравы петербургского общества. Жуковский поддерживал с Гриммом дружеские отношения (Дневники. С. 508, 510, 511).
10. Вероятно, Александр Александрович Кавелин.
11. Мария Павловна (1786–1859), великая княгиня, герцогиня Саксен-Веймарская. Женщина очень одаренная, особенно склонная к музыке, живописи, литературе. Ее стараниями создан музей, посвященный памяти Гете, Шиллера, Виланда и др. Ее высоко ценил Ф. Шиллер, Гете поддерживал с ней дружеские отношения.
12. Вероятно, князю Христофору Андреевичу Ливену. А.Х. Ливен (1774–1838) – генерал-адъютант Павла I. Был близок Александру I, с которым находился во время аустерлицкого сражения, посланник сначала в Берлине, потом в Лондоне; с 1834 г. – член Гос. совета и попечитель в.к. Александра Николаевича, которого сопровождал в путешествиях. Умер в Риме в декабре 1838 г. В.А. Жуковский поддерживал с ним дружеские отношения, присутствовал на его погребении (Дневники. С. 458 и др.).
13. Вероятно, Семен Алексеевич Юрьевич.
14. Всем прочим (итал.).
15. При отъезде Жуковского за границу было решено, что в.к. Константин Николаевич будет регулярно писать Жуковскому, а последний – отвечать. Цель переписки – упражнение великого князя в письменном слого, однако взаимный интерес корреспондентов сохранился на многие годы. Письма Жуковского к в.к. периода 1838–1839 гг. неизвестны. Сохранились письма (18) 1840–1851 гг. Опубликовано: Русский архив. 1867. № 11. Ст. 1385–1439.

№ 2.

С. Петербург. 11 января 1839 г.

Неисправность курьеров причиною, что я Вас, почтенный и любезный Василий Андреевич, так поздно поздравляю с Новым годом. Но желания мои от того не менее искренни. – Дай Бог Вам всем быть здоровыми, в особенности дорогому нашему наследнику. – Скоро Вы опять поворотите оглобли на Север; донеси вас Бог благополучно домой. – У нас все по-старому, все в порядке. – Великий князь здоров и мало переменился. – Для русской истории приобрели мы Шульгина.¹ – Кажется лучшего выбора невозможно было сделать. – Он уже другой месяц занимается с Великим князем и начал Географию России, которую излагает довольно подробно. Он намерен заняться этим предметом исключительно еще несколько месяцев. Тогда и в общей истории приблизимся мы к IX веку: и обе истории могут тогда идти параллельно. – Кажется мы не будем раскаиваться в выборе Шульгина: острая метода; ясное логическое изложение; необыкновенная твердость памяти; уж о сведениях и говорить нечего. – Уж не знаю. Писал ли я Вам, что Великий князь с прошлого лета берет уроки музыки у Беллинга²; недавно начал он учиться и пению, церковному. – Очень бы хотелось

развить в нем чувства музыкальные; это и на нравственность имеет действие благотворное, и во многих обстоятельствах жизни есть большое сокровище. – С нынешней зимы ездит он и на коньках, и уже очень ловко. – Так все помаленьку продвигается вперед, и сколько можно судить самому, кажется, не без результатов; то есть прочных. – Это бывает гораздо приметнее после продолжительного отсутствия. Посмотрим, что Вы скажете, когда вернетесь.

Все остальное в кружку нашем тоже здорово и благополучно. Все усерднейше Вам кланяются. Grimm, как старое сухое дерево, скрипит да стоит. – Я кое-как держусь. Грот³ облегчил несколько мою должность позволяя мне оставлять вел. кн. на попечение Озерова⁴ с вечера и до утра. – Это даст мне по крайней мере возможность хоть немного отдохнуть телом и душой. Возьмите на себя труд засвидетельствовать усерднейшее почтение мое Его Высочеству; также Алекс<андру> Алекс<андровичу>, Сем<ену> Алек<сеевичу>, Князю и Барону Ливенам⁵; и проч.<им>. – Не забывайте всегда искренне Вам преданного

Литке.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 28112. Л. 3-4.

Примечания

1. Шульгин Иван Петрович (1795–1869), историк, читал лекции в Царскосельском лицее и училище правоведения, впоследствии – профессор всеобщей истории Петербургского университета. Преподавал историю и географию великим князьям Константину, Николаю и Михаилу Николаевичам. Жуковский бывал на лекциях Шульгина, книги его по истории и географии имеются в библиотеке Жуковского (Лобанов В.В. Библиотека В.А. Жуковского. (Описание). Томск, 1981. №№ 461–463).
2. Личность Беллинга нами не установлена.
3. Грот Яков Карлович (1812–1893), выпускник Царскосельского лицея, филолог, историк литературы, академик, вице-президент Академии наук. Был рекомендован двору П.А. Плетневым, ректором Петербургского университета. Преподавал великим князьям Михаилу Николаевичу и Ольге Николаевне историю. Через Плетнева Жуковский познакомился с рукописью перевода Я.К. Грота поэмы «Фритиоф» шведского поэта Э. Тегнера и, уезжая с наследником за границу, взял его с собой. Возвращая рукопись через Плетнева, Жуковский в письме к нему от 4/16 ноября 1838 г. просил передать «нашему молодому поэту» убедительную просьбу «продолжать прекрасный труд сей и не выпускать его из рук, пока его поэтическая совесть не будет

совершенно в ладу сама с собой» (Известия Отделения рус. языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1901. Т. 6. Кн. 2. С. 19).

4. Озеров Петр Иванович (1773-1843), шталмейстер, сенатор, помощник воспитателя Ф.П. Литке при в.к. Константине Николаевиче.

5. Ливен Вильгельм Карлович, барон (1800-1880), генерал-лейтенант, в период 1833-1855 гг. в качестве адъютанта А.Ф. Орлова выполнял дипломатические миссии. Впоследствии был Лифляндским, Эстляндским и Курляндским губернатором, членом Гос. совета. Ливен Х.К., князь – см. примечание 12 к письму № 1.

№ 3

Александрия. 14 августа 1841.

Давно, почтеннейший Василий Андреевич, ничего мы об Вас не слышали, да признаться и о себе мало давали вестей. Вы знаете, что такое у нас лето, и можно ли в продолжении его собраться с мыслями. Наша же морская половина сверх того два месяца плавала, как Вам известно, что также не очень благоприятно для корреспонденции. – Генерал-адмирал писал к Вам впрочем с вояжа раз или даже, как он уверяет, два; и с нетерпением ждет от Вас ответа.

Путешествие наше шло и прошло благополучно. На этот раз занимала нас не одна морская практика; мы должны были показаться иностранцам и у Иностранных Дворов; и этот первый опыт, или лучше сказать первый дебют, удался довольно хорошо. – Великий кн. понравился не только тем, которые видели его только вскользь, – его натуральность, любознательность, живость и ум не могут иметь иного результата, но уметь снискать и расположить Тетушки¹ своей и всего ее семейства, словом, il a eu du succes². – Здесь также нами довольны, довольны и вестями, довольны <письмами>, довольны и наружным видом. К.Н. находят выросшим – стало, Слава Богу. Дорого дал бы я, чтобы быть столь же довольным, как другие; но я подвергаюсь неизбежной участи тех, которые видят всю подноготную вещей и пережевывают все дразги. – Недостатки, несовершенства видишь яснее, чем противоположную сто-

рону; может быть и больше принимаешь к сердцу, чем надо. Но кто тебя уверит, что плевелы не заглушат, наконец, зерна? И каково видеть, что чем больше их вырывает, тем сильнее они вырастают? Проезжий любитесь только наружным, многообещающим видом поля.

Только что мы воротились с моря, нас посадили на коня, с которого мы почти две недели не слезали. Вы легко поверите что это не убавило нисколько того запаса рассеянности, который мы с собой привезли. – Теперь только начинаем мы порядком приниматься за работы, которым однако же не войти в прежнюю колею, покуда мы не уговорим в нашем мирном Царском Селе. Необыкновенное лето необыкновенно долго и держит нас у морского берега. Вот можно сказать, что сидим у берега и ждем (дурной) погоды. Поезд назначен однако ж 17-го, *decidement peutetr*³. –

Я еще не поздравил Вас почтенный друг со вступлением в брак⁴. Но вы не сомневайтесь в искреннем сердечном участии моем в Вашем счастье, как и в желании моем, чтобы оно было совершенно и *unvermisch*⁵, сколько это для смертного возможно, и чтобы Вы наслаждались им многие годы. Назовите при случае супруге Вашей, между тем и сами не забывайте сердечно уважающего и преданного

Ф. Литке.

ИРЛИ, Онегинский архив. № 28122. Л. 5-6 об.

Примечания

1. Вероятно, великая княгиня Мария Павловна. См. сноску 11 к письму 1.

2. Он имел успех (франц.).

3. Быть может, окончательно (франц.).

4. Венчание Жуковского с Елизаветой Алексеевной Рейтерн (1820-1856) состоялось в Дюссельдорфе 21 мая 1841 г.

5. Чисто, ничем не омрачаемо (нем.).

№ 4.

Царское Село. 17/29 октября 1841.

Около четырех недель тому назад получили мы письмо Ваше от 5/17 сент<ября>, дорогой и почтенный наш Василий Андреевич. Ответ мой замедлился оттого, что мне не хотелось отвечать прежде моего В. Князя, не хотелось и понукать его слишком, чтобы это не казалось работой по казенной надобности; а он, мой голубчик, как Вам известно, тяжеловат на подъем. Таким образом проходила неделя за неделей. – Но зато получаете Вы уже целый пук писем по немецкой пословице: *Was lange wahr wird gut*¹. – У нас все здоровы, и все идет своим чередом хорошо, т.е. в самом деле *хорошо*. В последнее время я был очень доволен моим Телемаком. Дай Бог, чтобы я не ошибался; но мне кажется, что рассудок начинает в нем помаленьку оперяться, что легкомыслие и *etourderie*², до сих пор бывшие безмерными, немного стали полегче. – Со стороны нрава тоже будто замечен некоторый счастливый перелом. Он как будто стал доступнее убеждениям рассудка и чувства. Заметив это, я и сам сообразно тому переменялся, и где прежде не мог обойтись без строгости, стал действовать лаской, и покамест с полным успехом. Об одном молю Бога – чтобы это так продолжалось. Тогда исчезнет, может быть и жесткость и холодность, приводящие меня до сих пор в отчаяние, удастся возбудить в нем теплоту души, *Gemuth*³. Об этом я более всего думаю и забочусь.

Вы не поскучаете этими подробностями, добрый

Василий Андреевич: Ваше участие во всем, до нас касающемся, меня в том убеждает. А мы озабочены, и душа чувствует потребность сообщать участвующему другу свои опасения и надежды. Об учении не говорю на этот раз; мы идем вперед, как всегда не торопясь, но изрядно успевая. Зимой приступим к военным наукам: Вы поверите, что *не я* тороплюсь начать их.

Опасение Ваше, почтенный друг, чтобы специальное образование *моряка* не помешало общему образованию *Принца*, – я не разделяю. Во-первых, не понимаю я, каким бы образом можно было, стремясь к общему образованию, избежать специальностей. Если Принц не должен быть специально моряком, то не должен быть специально и воином, столь же мало как камералистом, дипломатом, судьей, ученым, художником; чем же он будет? Неужто всем понемногу и в одинаковой степени? Но это значило бы не быть ничем. Вы может быть скажете: «Он должен быть Принцем». Но что значит быть Принцем? Неужто заниматься всем и ничем? – «Государственным человеком?». Он им должен быть; Но какой специальный рецепт для составления Государственного человека? – Всякий Гос<ударственный> чел<овек> был сначала чем-нибудь специально. – Прежде ему должно быть *человеком* – это главное – и об этом стараемся мы всеми средствами. Потом обогатить ум познаниями, – это, как Вы знаете, тоже не пренебрежено. Наконец, нельзя в наше

время избежать того, чтобы не занять какое-нибудь место в государственной иерархии. Специальное приговление, конечно, может увлечь в мелочи и тем отвлечь от главного, общего; но на это можно сделать два замечания: первое, что этому подвергается только ум мелочный, который, не имея специального назначения, создает себе мир мелочей; и второе, что Генерал-Адмиралтейство у нас менее всех других назначений влечет за собою этого рода опасность. – Сама природа позаботилась о том, чтобы русский Генерал-Адмирал не более одной трети года мог быть в своей стихии, а в остальные две трети или покоился на лаврах, или занимался чем-нибудь другим. – Наконец, что же составляет наше специальное образование? Науки морские? – На-

вигаия, Астрономия и т.д. – это никому не мешает. Наши морские вояжи? Право, здоровье для души и тела. Молодой человек привыкает к порядку, к лишениям и к подчинению себя долгу. – Немножко морского духу, морской прямоты для Принца не лишнее. – Видеть свет со всех сторон – тоже не дурно. – А между тем, плавая, мы не перестаем работать головой. – Итак, любезнейший Василий Андреевич, не нападайте; и верьте в то же время, что я говорю по убеждению, а не потому только *quo chascum plaide puor sa parvisé*⁴; не меньше верьте и неизменной преданности Вашего покорного
Ф. Литке.

ИРЛИ, Онегинский архив. № 28122. Л. 7-8 об.

Примечания

1. Что ожидается долго, будет хорошим (нем.).
2. Ветренность (франц.).
3. Отзывчивость, доброта (нем.).
4. Что каждый говорит в пользу своей паперти (франц.).

№ 5

С.Петербург. 6/18 марта 1842.

Давненько уже лежит в моей Мошне последнее письмо, сердечно любимый и уважаемый Василий Андреевич. Перечтя его вновь и увидя, что в нем говорится о Новом годе, тогда как мы уже и блины отъели и первую неделю почти отпустились, мне как будто захотелось покраснеть, – но подумал: разве не Жуковскому пишу? и Жуковский ли не знает нашей *так называемой* жизни? И эта мысль меня успокоила. – Паровая машина под вывескою гувернерской должности продолжает по-старому работать с утра до ночи, сегодня, как вчера, и как будет завтра – то один привод потянуть, то другой ослабить, смотря по надобности, в этом вся разница; а между тем *все* время поглощено. А спросишь себя, что сработал? и не знаешь, что отвечать; надо подождать лет десять, чтобы получить ответ. – Между тем, делаем, что можем и как умеем. – Много останавливала общие успехи наши вечная однообразность всей нашей жизни, с которою нельзя не сделаться наконец совершенно односторонним. Чтобы сколько-нибудь помочь этой беде, дозволено мне было приглашать моего Телемака по временам к себе. Я завел маленькие музыкальные вечера, недели в две раз, на которых Вел. кн. встречается со многими, которых беседа могла ему быть полезна, но с которыми не было бы другого случая встретиться; он видел при этих случаях быт для него новый: и в то же время *though last not least*¹, как говорят англичане, – слышал хорошую классическую музыку, что также было не без пользы, развивая его музыкальные способности и образовывая вкус. – Этим я очень дорожу. – Таким образом зима наша несколько уразнообразилась, – между тем, как обычные работы продолжали идти своим чередом и с обыкновенным успехом: В истории общей и русской подходим к концу XVIII века, в математике продвинулись очень порядочно. – Рад бы был я прибавить, что нравственное развитие держалось с умственным на одинаковой высоте: что мы сделались приметно мягче, солиднее, теплее, но это покамест еще *in spe*². Впрочем не должно забыть, что мы только что входим в тот период, который у Вас там на Рейне называют *Die Flegeljahre*³. Зато физическое развитие прекрасно. Здоровье – нельзя лучше; в последние полгода вырос на целый вершок; *tout l'exterieur grand quelque*

*chos de tres distingue*⁴. – Вот Вам, почтенный друг, подробный отчет о том, что делается у нас; но вы желаете еще знать, что делается *и около нас*? Этот вопрос гораздо сложнее. Мало ли что тут совершается! Но не все знаешь, не всегда скажешь, еще меньше напишешь. – Довольно, что все благополучно, и все более или менее по-старому. – Надежда на умножение императорской фамилии более и более утверждается, чему, как Вы повторите, все очень рады. Здоровье Императрицы в эту зиму было весьма удовлетворительно, как и всех прочих. – Особенного шуму мало было при дворе. Зато в обществе тем более, и особенно на масленице. – Педагогическая наша челядь здорова: Ласковский⁵ (прежний), две фортификации и капитан <нрзб.> для артиллерии, занимающие по часу в неделю каждый. – Гримм вел себя довольно непохвально, был болен; я думаю, ему не обойтись без того, чтобы летом серьезно не полечиться. Лета ожидаем мы довольно суматошного; будет много гостей; серебряная свадьба⁶ помешает несколько и морской нашей компании; не будет времени забраться куда-нибудь подальше. Неужто Вы не явитесь на этот праздник? Ведь стоит только сесть на пароход в Дюссельдорфе и выйти на берег в Петергофе. – Мое собственное мирное гнездышко живет благословением Божиим. Мальчишки мои растут и утешают нас; добрая жена моя чувствует себя ныне лучше прошлогоднего. – Как понятно для меня все, что Вы говорите о Вашем домашнем счастье – как понятно это одно желание, чтобы оно только не переменилось; и я другого желания в жизни не имею. Здоровьем своим я также доволен. <Те> планы Ваши я, разумеется, по принадлежности роздал. – Все рады были бы Вас слушать. Бедный Кавелин⁷ лишился младшего сына. Зато у Юрьевича⁸ родился тоже младший. Александр Адлерберг⁹ женится на Полтавцевой, Фрейлине М<арии> Н<иколаевны>¹⁰, а батюшка его¹¹ будет на месте князя А.Н. Голиц<ына>¹² Генерал-почт-Директором, Ал.¹³ решил наконец ехать в Крым. Ал <нрзб.> Fridericks¹⁴ вышла за Алопеуса Гусарского¹⁵. – Этим кусочком нувеллистики заканчиваю мою эпистола, поручая себя дружбе и памяти Вашей.

Ф. Литке.

P.S. Пожалуйста пишите почаще К.Н. и повторите, как это ему будет полезно.

ИРЛИ, Онегинский архив. № 28122. Л. 9-10 об.

Примечания

1. Волей-неволей, хочешь – не хочешь (англ.).

2. В будущем (лат.).
3. Переходный возраст (нем.).
4. Во всем внешнем облике появилось нечто изысканное (франц.).
5. Ласковский Федор Федорович (1801–1870), инженер, генерал-лейтенант, занимал кафедру фортификации в Главном инженерном училище, профессор фортификации в академии Генерального штаба, преподаватель наследника Александра Николаевича и великих князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей. 13 января 1840 г. Жуковский писал письмо государю, в котором просил о назначении обещанных пенсий бывшим преподавателям наследника, в том числе Ласковскому.
6. Имеется в виду юбилей царской четы – Николая I и императрицы Александры Федоровны.
7. Кавелин Александр Александрович (1793–1850), генерал-адъютант в.к. Николая Павловича, впоследствии воспитатель наследника, Александра Николаевича, сопровождал его в путешествие по России.
8. Юрьевич Семен Алексеевич (1798–1865), генерал-адъютант, помощник воспитателя наследника, Александра Николаевича, которому преподавал польский, фортификацию, артиллерию, сопровождал его в путешествии по России.
9. Адлерберг Александр Владимирович (1819–1889), прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка, впоследствии генерал-адъютант наследника Александра Николаевича. Затем министр императорского двора, сменивший на этом посту своего отца, военный министр. Сопровождал великого князя во время заграничного путешествия 1838–1839 гг. Жуковский поддерживал с ним дружеские отношения.
10. Мария Николаевна (1819–1876), великая княгиня, замужем за Максимилианом герцогом Лейхтенбергским.
11. Адлерберг Владимир Федорович (1790–1884), адъютант и друг Николая I. С 1828 г. – директор канцелярии начальника Главного штаба, впоследствии министр императорского двора.
12. Голицын Александр Николаевич (1773–1844), государственный деятель, лицо, близкое Александру I. Начал с пажа. Обер-прокурор Синода, министр народного просвещения, главный начальник цензуры. В 1824 г. удален от дел по настоянию архимандрита Фотия. Вновь приобщен ко двору при Николае I и оказывал на него большое влияние. Жуковский знаком с Голицыным еще с 1810-х гг. и неоднократно прибегал к его посредничеству при ходатайстве за декабристов и других лиц. Ушел в отставку в 1843 г.
13. Лицо не установлено.
14. Вероятно, А.П. Фредерикс, дочь барона Петра Андреевича Фредерикса (1786–1855), обер-штальмейстера, адъютанта Николая I.
15. Граф Алопеус Федор Давыдович, женат на баронессе А.П. Фредерикс (Брокгауз). Гусарский, вероятно, прозвище.

№ 6

Царское Село. 7/19 октября 1842.

Очень давно уже, почтеннейший Василий Андреевич, не писал я к Вам. Извинения, объяснения в этом, как и во всяком другом случае между нами, были бы лишние. – Зная всю подноготную моей жизни, Вы, конечно, не потребовали бы их от меня, даже если б я был в этом случае у Вас в долгу. – Но тут еще другие затруднения: и изредка писавши, не знаешь, как обернуться, чтобы Вам не наскучить. В самом деле, чего ожидаете Вы от меня или лучше сказать, от моих писем? Вы не ожидаете ни отвлеченностей о вопросах общих, ни новостей, ни легкой болтовни – все это не мое дело. – Вы ожидаете сведений о том, что делается в нашем маленьком уголке, а тут, как ни вертись, все *rouge change, la tete chosse*.¹ Педагогическая фабрика все продолжает работать по-старому, не имея даже преимуществ всех других фабрик – представлять цифирью результаты своих работ. – Кажется, что с Божиею помощью все идет не худо, – с намерением говорю только *не худо*, чтобы не ошибиться, потому что, право, иногда становишься в тупик и не знаешь сам, что делать. С одной стороны кажется как будто и развиваемся, будто и является что-то похожее на успех, но как подумаешь, с другой стороны, что ведь 16-й год, и как взглянешь на тысячу вещей, против которых и с Вами еще вместе мы боролись и продолжаем ежеминутно бороться, не успев искоренить ни одной, то хоть в отчаяние придти. – Видишь сердце доброе, наклонности лучшие, и тут же какую-то суетность, холодность, *Gemuthlosigkeit*,² – словом, ум за разум заходит. Такие диспараты³ обнаруживаются во всем, и ни в чем так сильно, как в письмах. Проверка недалеко – письмо к Вам, которое, я должен заметить, еще противу обыкновения хорошо выдалось. Grimm в отчаянии от писем к нему К.Н. – Любопытен я, как он найдет нас по возвращении своим? Смотря вечно на одну и ту же вещь, наконец ничего в ней не видишь. Свежий взгляд бывает вернее, справедливее. О работах наших почти ничего Вам говорить. Летние 6 месяцев всегда замедляют ход их. Отсутствие Grimma поч-ти совсем остановило историческую часть. Шульгин взял на себя земли сопредельные с Россиею, стало и по

истории с нею связанные. По математическому факультету мы последнее время занимаемся повторением. С возвращением в город нач-нем физику и астрономию. Французский язык идет хорошо. – Grimm, которого Вы видели, должно бы сказать: которого тень вы видели, – по последним письмам намерен непременно возвратиться. – Мы его ожидаем с последним французским пароходом дней через пять. – Как-то он перенесет зиму! – Со-всем другое дело физическое развитие: тут все прекрасно; В.К. здоров, силен, растет вдвое скорее прежнего, слагается молодцом, и все опасения насчет горбатости и т.п. давно исчезли. – Впрочем еще дитя, как 10 лет тому назад – и это хорошо. – Поплавали мы по морю прошедшего лета, прошли через Больш^{ой} Бельт и через Зунд, останавливались в Эльсинеуре и в Копенгагене, и т.д. – Что ни говорите, почтеннейший Василий Андреевич, а море и морские наши вояжи прездоровая для души и тела вещь. – В последнем отношении и спора быть не может, – при всяком нашем возвращении с моря встречают нас аханьем, как мы потолстели, *comme il a bonne mine*.⁴ – Да как и быть иначе: день и *ночь* на воздухе. – Но и с другой стороны ожидаю я от них большой пользы: постоянное занятие серьезными предметами, подчиненность, исполнение должности и *though last not least*,⁵ как говорят англичане, удаление от рассеянности. – Вы ли не поймете пользы от всего этого?

Вообще по нашей половине все обстоит благополучно, нового не имеется, все здоровы, старые и малые. – В моем собственном уголке все благодаря Бога здорово, старшего моего мальчишку начинаю я уже учить грамоте. *Ainsi roule le monde!*⁶

Вместе с тем следуют к Вам портреты Их Высочеств. Делал Гау,⁷ и кажется, не дурны. А могли бы быть похожее.

Прощайте, почтеннейший друг, пишите, Бога ради, особенно Велик. Князю. Вы знаете, как это для него полезно, да вы же и обещали. Уже о себе не говорю, хотя и нашему брату нужна поддержка и одобрение из уст дружеских. – Верьте всегдашней преданности душевно уважающего Вас

Ф. Литке.

Примечания

1. Без перемен. Одно и то же (франц.).
2. Бездущие (нем.).
3. Несоответствия, противоположности (лат.).
4. Как он хорошо выглядит (франц.).
5. Волей-неволей, хочешь – не хочешь (англ.).
6. Так крутится (движется) мир (франц.).
7. Гау Владимир Иванович (1816–1895), акварельный живописец, портретист, уроженец Ревеля, ученик К.Ф. фон Кюгельхена (Ревель) и А. Заурвейда (Акад. худ.). Как портретист был замечен после удачно написанного в юности (1832) портрета мореплавателя Ф.П. Литке. С 1840 г. работал в Петербурге в качестве придворного портретиста Николая I и Александра II.

№ 7

С. Петербург. 3/15 декабря 1842.

Примите искреннее, сердечное мое поздравление, почтеннейший Василий Андреевич, с посланною Вам от Бога радостью. Счастье отцовское ни с каким другим в мире сравниться не может; по общественному, нравственному закону человечества неразлучны с ним и заботы столь же великие; но как сладки и заботы эти, и самые страдания и пожертвования, которых эти маленькие существа нам стоят, делают их нам дороже. Дружески желаю, чтобы при возможно большей массе наслаждения досталось на Вашу долю возможно мень-ше страданий, и чтобы Бог дал Вам долго этим счастьем наслаждаться. – Все Ваши истинные друзья воз-радовались и возликовали при этой вести, и она по-казала, как Вы здесь всеми любимы. Между возликовавшими больше всех, и уж наверно громче всех был мой Вел. Кн., который сам Вас поздравляет.

Письмо, предшествовавшее последнему, радостному, получено мной в свое время. Благодарю Вас за него сердечно. Вы весьма хорошо поняли то, что я желал Вам передать о настоящей степени развития К.Н.; в Ваших словах нашел я мои мысли, но несравненно лучше выраженные, нежели бы я в состоянии был это сделать. Вы согласитесь, что есть от чего задуматься. С наступлением зимы (то есть календарной, потому что настоящая еще не приходила) начались наши прежние постоянные занятия, и появились все старые недостатки. – Гримм после пяти месяцев не нашел с этой стороны никакого улучшения. – Остается только сказать вместе с Вами: *Надеемся, что это скоро переменится*. – А между тем ужас подумать, что года через три, много четыре, скажут: баста, готовы, полно учиться. Пора жить! И полуспелое навсегда таким останется; однако и тут у меня надежда, на что бы Вы думали? на море; в море мы и вояжируем и служим, и в то же время продолжаем учиться. – Подводного камня односторонней дисциплинарности мы, надеюсь, с Божьею помощью избежим; и эту надежду основываю я не на моем искусном лощманстве, как снисходительно Ваша дружба намекает, а вот на чем: не взирая на строгость дисциплины морской, отличительная черта моряков есть некоторая независимость характера и мысли, и праводущие. Не знаю от чего это происходит? но это факт, а с ним и умом просвещен-

ным можно пролавирировать между Сциллою и Харибдой и не затыкать себе ушей, как Вы может статься в эту самую минуту заставляете делать Улисса.

Вы желаете слышать некоторые подробности о нашем житье-бытье; при всем желании угодить Вам, я действительно не нахожу другого ответа, как угаданное Вами наперед: *старое по старому*. Вообразите себе, как можно живее и со всеми подробностями все бывшее и происходившее в Ваше время, и Вы получите живую картину того, что Вы знать желаете, и театр и миры те же, и действие старое. – О некоторых не важных изменениях на заднем плане упоминать не стоит. И наша учебная (в Царском Селе) не трогалась с места, где процветает 10 лет. На бывшей половине <2 слова нрзб.> поместились меньшие великие князья. – И в городе мы теснимся по-старому. – На днях совершилось однако ж назначение, которое Вас конечно и удивит и обрадует: А.А. Кавелин – Военный Генерал Губернатор вместо графа Эссена,¹ – Дай Бог только, чтобы здоровье его и телесные силы были соразмерны трудам этого важного поста. – На днях же слышали мы новую русскую оперу Глинки Руслан и Людмила. – Граф Мих<аил> Юрьевич² вероятно Вам будет писать о неподражаемой учености этой музыки; но публика и мы грешные в том числе не читавшая ее, а слушавшая, нашла ее неподражаемо скучной. – Гримм работает по-прежнему, но, разумеется не надседаясь, и вообще, кажется, бережется и чувствует себя покамест хорошо. Хотя и нельзя сказать, чтоб слишком растолстел. – Все в нашем кругу здоровы и все обращаются в прежнем кругу, надеюсь, что это не *cercle vicieux*.³

Прощайте, любезный и почтенный Василий Андреевич; в уединении вашем и наслаждаясь семейным счастьем, не забывайте соотчичей и друзей 60-го градуса. Письма Ваши нам всегда приятны и дороги. Вы знаете почему; не урежайте нас ими радовать. – Верьте неизменной преданности Вашего

Ф. Литке.

Жена и малышки мои здоровы. Старшего я уже начинаю учить читать; это меня забавляет.

ИРЛИ, Онегинский архив. № 28122. Л. 13-14 об.

Примечания

1. Эссен Петр Кириллович (1772–1844), граф – петербургский военный генерал-губернатор.
2. Вильегорский Михаил Юрьевич, граф (1788–1856), гофмейстер двора, композитор, музыкальный деятель и меценат. Создал музыку ко многим стихотворениям Жуковского, Пушкина, Лермонтова. Жуковский поддерживал с ним дружеские отношения.
3. Порочный круг (франц.).

№ 7-а¹

Множество усердных поклонников от всей нашей <братии>. Все здоровы – А..А. Кавелин в Вильне по следствию не очень приятному, и неизвестно когда вернется. – Двор со вчерашнего дня в Гатчине на неделю; мы проведем там только вос-

кресенье. Мои домашние помаленьку; жена благодарит Вас за память и кланяется.

Mez Hommages tous².

Votre Lütke³.

ИРЛИ, Онегинский архив. № 28122. Л. 15.

Примечание

1. Небольшая записка без даты, вероятно, примыкающая к предыдущему письму.
2. Мои поклоны всем (франц.).
3. Ваш Лютке (нем.). Фамилия предков Федора Петровича писалась как Litke и как Lütke. Сам Федор Петрович по-русски всегда писал Литке, а по-немецки – Lütke.

№ 8

Царское Село. 10 сентября 1847.

Любезный и почтеннейший Василий Андреевич. Какими судьбами произошла многолетняя перерывка в нашей переписке – не знаю; кто из нас у кого в долгу – не ведаю, знаю только то, что с тех пор как к Вам не писал, я был жестоко посещен Судбою.¹ – Все видели счастье мое семейное, – истинное счастье в сей жизни разрушенным невозвратно; – знаю, что я после того большую часть моего времени провел в странствиях по морю и по суше, спутником главной моей планеты и убедился, что и самая напряженная деятельность на худую минуточку жизни, не в состоянии наполнить пустоты, оставляемые в душе жестокими потерями...

Но я не буду докучать Вам Иеремиадами.² – Я думаю, что нежелание наскучить ими друзьям было одной из причин, удерживающих меня писать к ним.

Минута, в которую *наши* воспитанник вступил в совершеннолетие, показалась мне приличнейшею для возобновления прерванной переписки. Вчера переступил он через эту важную грань в его жизни; – важную для него, но важную и для меня, посвятившего 15 лет своей жизни на его образование. – Событие это не произвело никакой перемены ни в положении моем, ни в отношении к Великому Князю – что будет с возвращением Государя? – Невольно спрашиваешь только себя: какой же положительный результат этих 15-ти лет моей работы? Спрашиваешь и сам не знаешь, что ответить. Вот перед нами молодой человек целиком, со всеми его достоинствами и недостатками. Кто решится сказать, что в этом общем итоге принадлежит воспитанию положительно, что развилось мимо его; или даже вопреки ему? В особенности – разгадать или открыть, что воспитание в этом общем явлении отвратило или предупредило? – Принявшись как новичок за дело, совершенно мне чуждое, по воле Царской, я добросовестно (и Вы, Василий Андреевич, засвидетельствуете) старался в него вникнуть, обдумывая каждый шаг; сравнивая предпринятое с результатами и последствиями, прихожу к выводу, в котором боюсь почти признаться – но перед Вами можно, – что воспитание положительного почти ничего не сделало; а

коли есть результаты, то только отрицательные; иными словами, что все, что воспитание может дерзнуть приписать себе, есть предупреждение дурного, которое без нас могло произойти; и что я охотно откажусь от всякого участия в достоинствах воспитанника, лишь бы не приписывали мне недостатков его. Воспитание как в том, так и в другом равно не <грешно>. – Сколько седых волос, сколько дурной крови, сколько лет жизни стоило мне неведение важной истины, что роль воспитателя, по крайней мере у Принца, должна быть главнейше пассивная, предостерегательная.

Не требуйте от меня портрета нашего совершеннолетнего юноши. Этот труд был бы выше сил моих. Приятно он мало переменялся и остался таким, каким Вы его знали; – только все пришло в больший размер. Много листов можно было бы исписать об этом предмете; но что прибыли? Даст Бог, скоро увидите его сами, и узнаете короче. – Он перед Вами чрезвычайно виноват, и я даже не имею духу просить, что бы Вы на него не сердились. – Одно обстоятельство можно привести если и не в оправдание, то по крайней мере в объяснение его молчания – это чад, которым наполнена теперь его голова. – Жених в 20 лет есть такое существо, с которым невозможно быть взыскательным.

Едва отдохнув от трехлетнего путешествия по Англии, мы завтра опять садимся в коляску и едем на смотрины и маневры в Винницу Польской Губ<ер-нии>. Оттуда возвращаемся через Варшаву, где съедемся с невестой, следующей в Россию под эгидом Великой Княгини Цесаревны. – Эта встреча будет некоторым образом первый шаг к моей эмансипации. Казалось бы надо и радоваться, а нет духу. – Оба они так еще молоды, что подумать страшно, что из этого выйдет? Впрочем свадьбе предположено быть еще только через год. –

Прощайте, почтеннейший Василий Андреевич; верьте искреннему уважению и неизменной преданности сердечно Вам преданного

Ф. Литке.

ИРЛИ, Онегинский архив. № 28122. Л. 16-18.

Примечания

1. В 1843 г. умерла при родах горячо любимая жена Литке Юлия Васильевна (урожденная Браун), бывшая воспитательница в.к. Александры Николаевны.
2. Иеремиады – жалобы. От имени библейского пророка Иереми, автора Плача о гибели Иерусалима.

№ 9

С-Петербург. 7/29 сентября 1848.

Итак. Почтеннейший Василий Андреевич, надежды наши увидеть Вас в нынешнем году между нами рушились. – Вы догадываетесь, да, вероятно, имеете и доказательства, до какой степени это огорчило Ваших здешних приятелей и почитателей. Они все заодно готовы были Вас бранить, но кончили сожалением о неисполнившейся надежде, в уверенности, что без весьма сильных причин Вы бы намерения Вашего не переменили. – Для меня специально *dusappointment*¹ было очень сильно тем, что Вы не приехали даже к свадьбе нашего Великого Князя. Не уверен я был, часто даже сомневался, доживу ли до этой минуты. – Однако же дожил, и теперь дивлюсь (как это обыкновенно бывает), куда девались эти 16 лет? Где это время, когда мы с указкою в руках начинали развивать

понятия необыкновенно умного, быстрого, но резвого и часто несносного ребенка? Вы помните – кто из нас не помнит? – какие он подавал надежды? – Будем *опять* надеяться.

Молодая чета блаженствует по старинному заведению медовых месяцев. Дай Бог, чтобы счастье их стало нерушимо, когда настанут и те месяцы – и годы, – в которые по старинному же заведению, к каждой ложке меду примешивается бочка дегтю – одно страшно: обоюдная их молодость. Говорят: *c'est un dufaut dont on se corrige tous les jour*². Оно так, да то, что *порок* этот может испортить, не так легко исправляется. Впрочем, никто как Бог!

Великий Князь намеревается писать к Вам на днях, и. Вероятно, уже писал. Он намерен благодарить Вас за присылку Одиссеи, в надежде скоро свидеться. Книга была получена здесь. Когда он был в море, и я прочел

ее прежде его, и прочел с большим наслаждением. Не знаю, не ошибся ли я, но мне кажется, что в 4-х или пяти строках встречается по лишней стопе. – Если угодно, я могу указать Вам и на эти строки. Впрочем, если мои замечания не вздор, то места эти вероятно Вами и без меня давно открыты. – Когда увидим мы оставшиеся песни?

Моя Одиссея уже на XXIV песне, которую я дотягиваю Председателем Морского Ученого Комитета, и не желаю ничего лучшего. Занятия мне сродные, достаточные для наполнения немногих лет мне остающихся, но оставляющие еще довольно досуга, чтобы заняться детьми и их воспитанием. Дай Бог поставить их на ноги. А там пора и восвосяи. – Мое положение еще не совсем устрое-

но – надеюсь не обидят в сравнении с предшественниками. – Лутковский³ назначен Вице-Директором Инспект. Департамента Морск<ого> Минист<ерства>. – Сережа Фридерикс⁴ – Адъютантом Вел. Кн. – Гримм преподает историю младшим Великим князьям.

Прощайте. Многоуважаемый Василий Андреевич; если вздумаете порадовать меня стройкой, то адресуйте в Морск<ой> Учен<ый> Комит<ет>. Верьте неизменной привязанности

Вечнопреданный

Ф. Литке.

ИРЛИ. Онегинский архив. № 28122. Л. 20-21 об.

Примечания

1. Разочарование (франц.).
2. Это порок, который исправляют каждодневно (франц.).
3. Лутковский Феопемп Степанович (1803–1852) в молодости был причастен к событиям 14 декабря 1825 г. и сослан на службу в Астрахань в каспийскую флотилию, откуда по личному ходатайству графа Литке перед императором с 1839 г. был назначен помощником графа по должности воспитателя в.к. Константина Николаевича. Скончался в звании контр-адмирала Свиты Его Императорского Величества.
4. Вероятно, младший сын барона П.А. Фредерикса. См. примечание 14 к письму 5.

№ 10

С.-Петербург. 27 октября/8 ноября 1848.

Письмо Ваше от 8/20 окт<ября>, любезный и почтенный Василий Андреевич, я получил и тотчас же сообщил его нашему Великому Князю. Я знаю, что он между тем уже послал к Вам; но все-таки хотел, чтобы он прочел это сердечное, теплое выражение огорчения, которое он молчанием своим Вам причинил. Такой урок всегда пригодится вперед. Он мне отвечал (из Царского): «Добрейший наш В.А., признаюсь, имел полное право на меня сетовать; надеюсь, что получая письмо мое, он со мной смирится». Не могу выразить Вам, до какой степени огорчила меня его ветренность; но что прикажете делать с такой *головой* – потому что все эти недостатки вытекают из головы, а не из сердца, которое хорошо. – По счастью попалась мне в то самое время под руки копия с письма к Вам нашей святой Александры Николаевны¹ по получении ею Вашей поэмы *Наль* и *Дамаянти*. Это письмо его устыдило.

Исполняю желание Ваше, прилагаю означение строк в *Одиссее*, в которых вкралась ошибки. Вы говорите, что много таких стихов отыскали Вы сами – вероятно, это окажутся те же самые, и кроме них едва ли найдутся еще, – потому что я прочел *Одиссею* с большим вниманием и по большей части в слух, то не думаю, что чтобы какая-нибудь значительная ошибка укрылась. Помогите Вам Бог скорее кончить остальное и доплести тем себе венец бессмертия, столь же неуваждаемый в русской литературе, как венок самого Гомера, мысль, что Вы работаете для следующих поколений должна поддерживать Ваши нравственные силы среди окружающей Вас «мерзости запустения». Какой ум решится предсказать, когда и чем кончится все вокруг Вас происходящее. И не есть ли это начало всеобщего Катаклизма, назначенного по-

гребсти под развалинами Европейского общества и науки, и искусства, и литературу? Уже Нибур² предсказывал, что для Европы наступает Эпоха варварства. Если он угадал, если ужасная мысль, мучившая его до последней минуты жизни, исполнится, то немудрено, что через несколько столетий, при новом возрождении цивилизации в Германии какой-нибудь *Gelehrtes*³ XXV века будет толковать *Одиссею* с помощью перевода Жуковского, как Ж<у-ковский> пользовался переводом Фосса. Долг платежом красен. Бог знает, что тогда будет? А теперь на Святой Руси лучше и покойнее. Жаль и больно, что обстоятельства и такие грустные держат Вас так далеко от нее.

Наконец я совсем отделился от того мира, в котором обитал 16 лет. Хотя я никогда не чувствовал <себя> совершенно at-home⁴ в этом мире – ни мир не был совершенно по мне, ни я по миру – со всем тем так велика сила привычки над человеком, что в новом моем положении мне опять как-то неладно. Но к этому я привыкну гораздо скорее, чем привык к прежней перемене, лишь бы удалось опять вработаться! Занятий у меня довольно, чтобы наполнить остальные годы жизни, а тут подрастут и дети. – Государь наградил старого своего слугу щедро и участь детей с материальной стороны обеспечена. В остальном надеюсь на Бога.

Прощайте, дорогой и достойнейший Василий Андреевич; да укрепит Вас Бог и да поможет прожить безмятежно среди мятежей до весны; а там Вы уже наверно явитесь между нами.

Сердечно Вам преданный

Ф. Литке.

ИРЛИ, Онегинский архив. № 28122. Л. 22-23 об.

Примечание

1. Александра Николаевна (1825–1844) – великая княгиня; к ней обращено стихотворение посвященное к «Ундине» Жуковского. Ей он послал свою поэму «Наль и Дамаянти».
2. Нибур Бартольд Георг (1776–1831) – немецкий историк античности. Почетный член Российской Академии наук.
3. Ученый (нем.).
4. Уютно (англ.).

Статья поступила в научную редакцию 17 апреля 1999 г.